

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Е. М. Мелетинский. *Герой волшебной сказки. Происхождение образа.* М., 1958, 264 стр.

Изданная Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Институтом востоковедения АН СССР книга Е. М. Мелетинского касается одной из сложнейших и до сих пор не разрешенных проблем фольклористики — происхождения волшебной сказки как определенного художественного жанра. Решать эту проблему, по мысли Е. М. Мелетинского, следует путем изучения вопроса о генезисе образа одного из центральных героев волшебной сказки — социально обездоленного: именно в тех сюжетах, где действует этот герой, фантастика, чудесный элемент — основная стихия волшебной сказки — впервые перестает быть прямым отражением древних верований, а используется в определенных социально-этических целях. Таким образом, социально обездоленные — первые подлинные герои волшебной сказки, а их идеализация — основа ее эстетики. Освещение вопроса о происхождении образа героя помогает разрешить и общий вопрос о происхождении волшебной сказки.

Таковы основные методологические предпосылки Е. М. Мелетинского, раскрываемые им во Введении. Свое внимание автор сосредоточивает на проблеме демократического героя как носителя народных идеалов, настойчиво исследуя социальную основу возникновения этого образа.

Эта целенаправленность работы, стремление вскрыть общественно-исторические корни сказки, изучить глубинные социальные процессы, в ней отраженные, составляют сильную сторону труда Е. М. Мелетинского. Его книга противостоит всем предшествующим попыткам осветить вопрос происхождения волшебной сказки, ее сюжетов, образов, мотивов, когда возводили их к древним мифологическим представлениям и верованиям или отыскивали в них непосредственное отражение некогда живых обрядов и обычаев, или, наконец, исследовали формальную художественную структуру сказки вне связи с ее социальным содержанием и идеалами. Во Введении даны краткий обзор и справедливая критика всех этих концепций.

Высоким образцом научного анализа социальных явлений для самого Е. М. Мелетинского послужила книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», методику которой он стремится творчески применить к избранному им объекту изучения.

Изложение основного материала исследования расположено по четырем главам в соответствии с основными разновидностями образа социально обездоленного героя волшебной сказки у разных народов: «Сказки о бедном сиротке в фольклоре меланезийцев, палеоазиатов и американских индейцев», «Происхождение сказок о младшем брате и их роль в формировании сказочного эпоса», «Образ гонимой падчерицы в волшебной сказке», «„Низкий“ герой волшебной сказки». Во всех этих главах обращает на себя внимание огромный, собранный Е. М. Мелетинским в связи с изучаемыми образами волшебной сказки фольклорный материал, а также материал этнографический, касающийся общественного строя и обусловленных им обычаев, обрядов, представлений, который помогает объяснить устанавливаемые в книге случаи типологических сходжений. Сравнительным изучением в этом аспекте автор охватывает чуть ли не все народы Западной и Восточной Европы, Азии, Америки, Африки, Океании. Этот материал, привлеченный к исследованию часто впервые, в тех именно целях, которые поставлены автором, уже сам по себе имеет большую научную ценность.

В первой главе (стр. 16—63) дан обзор повествовательного фольклора некоторых народов — меланезийцев, тибето-бирманских горных племен, степных индейцев, эскимосов и чукчей. Всем этим народам оказываются присущи среди других видов повествовательного фольклора — мифов о культурных героях, о возникновении вещей и яв-

лений, легенд о столкновении человека с духами, — и рассказы об обездоленных сиротах (к ним примыкают и сказки о прогнанных женах, униженных вдовах и т. п.). Бедствия их в конце сказки компенсируются, гонимые обретают счастье. Таким образом, народное сочувствие на стороне социально обездоленного героя.

Исследуя содержание этих рассказов во всем их многообразии и параллельно сопоставляя положение сирот при первобытно-общинном строе и на стадии его разложения, автор убедительно доказывает, что «мотив бедного, обездоленного сиротки закономерно появляется в фольклоре тех народов, у которых разложение материнского (классического) рода первобытно-общинного строя приводит не к созданию большой патриархальной семьи как высшей формы родового общества, а к разложению общинной системы» (стр. 61—62). Именно на этой стадии развития общества и возможно было возникновение рассказов о жертвах нарушения былого равенства, существовавшего в первобытной общине, с народной оценкой социального неравенства, с идеализацией обездоленного как следствием противоречия между утвердившимися первобытно-общинными этическими представлениями и новой общественной практикой. Рассказы о бедном сиротке знаменуют, как показывает Е. М. Мелетинский, коренную трансформацию первобытного повествовательного фольклора. Социальная коллизия, отражающая взаимоотношения в человеческом обществе, сменяет коллизии взаимоотношений человека с природой. Так с появлением социального конфликта зарождается жанр сказки.

Во второй, самой обширной главе (стр. 64—160) автор в основном идет тем же путем. В противоположность теме бедного сиротки, фольклористами не исследованной, тема младшего брата неоднократно затрагивалась в предшествующей литературе. Вопрос о причинах идеализации младшего брата в сказках освещался с разных позиций — и как отражение минората, и как порождение законов сказочного стиля, и с психологической точки зрения, в частности как выражение патологической сексуальной психологии. В книге дан краткий обзор всех этих точек зрения и их убедительная критика. Далее автор исследует сложную проблему минората и майората, привлекая обширный материал по обычному праву наследования у разных народов, в частности по русскому обычному праву дореформенной эпохи.

Анализ фольклорного материала приводит автора к важному выводу — к утверждению, что архаический минорат не был бытовой основой сказочной идеализации младшего брата. Существование минората только «способствовало четкому выражению мотива младшего сына в сказке, но само по себе не порождало его идеализацию» (стр. 146). Младший сын стал идеализироваться не тогда, когда пользовался какими-то преимуществами, а когда оказался исторически обездоленным, т. е. когда вследствие разложения патриархальной семьи стал совершаться переход от общинной собственности большой семьи к частной индивидуальной собственности малой семьи. Это особенно ярко отразилось в сказках о разделе наследства. Отметим, что эти сказки в книге Е. М. Мелетинского впервые подверглись тщательному анализу в свете взаимоотношений пережитков майората и минората и народной оценки несправедливого раздела семейной собственности.

Третья глава (стр. 161—212) посвящена образу гонимой падчерицы и отчасти предшествующим ему по времени возникновения образам других невинно гонимых героинь — покинутой жены, младшей дочери, младшей жены и т. п. О последних автор говорит бегло, связывая возникновение этих образов с полигамной семьей, дающей почву для соперничества и вражды жен, детей разных жен и для враждебного отношения матерей к чужим детям (стр. 163). Что касается коллизии «мачеха и падчерица», то она, как и тема бедного сиротки, возникает, по утверждению автора, на той же почве распада рода и выделения малой семьи, независимой от рода. Автор справедливо возражает А. М. Смирнову-Кутачевскому, видевшему в борьбе между «дединой дочкой» и «бабиной дочкой» отражение борьбы патриархата и матриархата, а в бедственном положении падчерицы — отражение злополучной доли женщины. Падчерица, по мнению Е. М. Мелетинского, это образ «человека обездоленного в результате упадка первобытно-общинного строя и перехода к классовому обществу», и этим объясняется ее идеализация.

Наконец, в четвертой главе (стр. 213—255) рассматриваются разновидности образа героя, сперва униженного окружающими, но затем награждаемого удачей, счастьем. Автор подыскивает отдельным особенностям образа «низкого героя» этнографические объяснения. Идеализацию же его автор связывает также с идеализацией социально обездоленного. Не случайно, по его словам, мотивы «низкого героя» соединяются с образами сиротки, младшего брата, падчерицы.

Основная ценность этой богатой содержанием книги — настойчивые поиски социально-бытовых основ образа демократического героя волшебной сказки в его разновидностях. И здесь многое достигнуто. Выводы, к которым пришел автор, изучая генезис образа, хорошо аргументированы конкретным материалом. Особенно удачны главы о сиротке и младшем брате. Слабее — четвертая глава: происхождение образа «низкого героя» по сути не решается, указывается лишь связь его с другими образами униженных и социально обездоленных.

Очень ценно во всей книге то, что автор, анализируя фольклорные материалы и определяя их социальную основу, вскрывает при этом национальную специфику создаваемых сюжетов и образов, хотя не всегда это, пожалуй, делается в достаточной

мере. Представляется также вполне правильной позиция автора, когда он, не отвергая роли в формировании сказки мифических представлений, ритуальных обрядов и возникших на их основе обычаев, рассматривает все это лишь как своего рода традицию, которой пользуется волшебная сказка. Однако не во всех случаях можно согласиться с автором в истолковании мотивов волшебной сказки как переосмысления и переработки примитивных обычаев, обрядов и мифических представлений эпохи родового строя. Вряд ли, например, в стремлении героя скрыться под «низкой» личиной после совершения подвига можно видеть следы пережитков ритуального «убегания» жениха (стр. 244—246), а в таких поступках Иванушки-дурачка, как надевание горшков на пеньки, принятые им за ребятишек, или кидание кувшина с пивом за то, что он якобы «дразнится», усматривать отражение анимистического восприятия мира (стр. 238).

Итак, автору удалось в основном убедительно показать, когда, на какой общественно-исторической основе возникают у разных народов волшебные сказки с образами идеализированного обездоленного героя. Однако общий вопрос о возникновении волшебной сказки, мне думается, еще не решен. Ибо для того, чтобы убедить, что оба эти явления — возникновение сказки с обездоленным героем и оформление волшебной сказки как определенного художественного жанра — совпадают, надо доказать, что других сюжетов, с другими образами волшебная сказка в тот период, о котором идет речь, или раньше, не имела, что все другие сюжеты — более поздние. А это автором не сделано. Например, у некоторых северных народностей (кетов, ненцев) имеются такие рассказы, которые, хотя в них внимание сосредоточено не на человеческих взаимоотношениях, а на конфликте с хозяевами стихий (следовательно, налицо элементы «мифологического мышления»); могут считаться уже не мифами, а сказками, так как преследуют и эстетические, и определенные общественно-этические цели, связанные с задачей служения своему роду¹. Поэтому думается, что отграничение автором волшебной сказки как художественного жанра от других видов повествовательного фольклора только по признаку наличия или отсутствия «мифологического мышления» еще недостаточно. Не следовало ли при решении проблемы происхождения сказки поставить вопрос о художественной природе сказки более широко, имея в виду и функцию рассказа, и форму выражения, т. е. особенности построения сюжета и поэтику?

В самой книге имеются места, вызывающие недоуменные вопросы в связи с наметаемым автором процессом формирования жанра сказки. На стр. 213 говорится: «В народной волшебной сказке — два основных типа героя. Один из них — эпический, его делают героем „благородное“ происхождение, юношеские подвиги и красота (Иван-царевич, например). Другой — „низкий“, „не подающий надежд“». Здесь не говорится, что первый тип героя — обязательно «обездоленный». И мы действительно знаем целый ряд сказок, где герой не является ни младшим, ни гонимым. Какое же место занимают эти сказки в процессе формирования жанра волшебной сказки? Или это все поздние сюжеты? Иногда наблюдаются некоторые противоречия в концепции автора. На стр. 157 находим такое высказывание: «Младший брат является обычно героем в сказках о браке с чудесным существом (зверем), например в сказке о царевне-лягушке — весьма архаичной и широко распространенной у различных народов. Этот сюжет сложился задолго до сказочной идеализации младшего сына» (Разрядка моя.— А. А.). Следовательно, были какие-то волшебные сказки и до возникновения образа идеализированного обездоленного?

Поэтому, если с проблемой генезиса того героя волшебной сказки, который стоит в центре внимания автора, связывать формирование сказки как жанра, следовало бы прежде всего доказать, во-первых, что в самых ранних сказках это не только один из центральных героев (а это так и есть), но и единственный и, во-вторых, что других сюжетов в более раннем фольклоре, которые мы могли бы назвать сказочными, не было.

Кстати, у автора наблюдается иногда недостаточное внимание к сюжету, хотя он вначале и говорит, что сюжет — «важнейшая эстетическая категория сказки» и что «рассмотрение образа героя вне сюжета привело бы к искажению специфики волшебной сказки» (стр. 15). Но кое-где он абстрагирует образ от сюжета, вследствие чего сказки, в которых мотив обездоленного лишь добавочно привнесен, присоединены к сказкам об обездоленных. Так, мотив предательства старших братьев или старшего брата входит в ряд сказок, основной идейный смысл которых, однако, не в этом, а в изображении подвига, борьбы героя с сверхъестественной волшебной силой (см. стр. 151—152).

Высказанные замечания не влияют на положительную в целом оценку монографии Е. М. Мелетинского. Думаю, что проблема возникновения волшебной сказки во всем ее объеме, пожалуй, и не может быть еще сейчас решена. Предварительно должна быть проделана работа по изучению социально-бытовых и мировоззренческих основ других образов героев и других сюжетов. Только тогда, когда все архаические сказочные сюжеты будут конкретно-исторически изучены, возможно будет оконча-

¹ См., например: М. Ошаров, *Северные сказки*, Новосибирск, 1936 (сказки «Осес» и «Котура», указано Е. А. Тудоровской).

тельное обобщение. Но то, что сделал Е. М. Мелетинский, — уже большое достижение. Книга его — бесспорно значительное явление в фольклористической литературе, ценный вклад в сказковедение. Она поставила важную проблему раскрытия социально-бытовой основы определенной и очень большой группы сказок. В целом эта проблема автором разрешена. Привлечен огромный фольклорный и этнографический материал, к изучению которого творчески применена сравнительно-историческая научная методика. Монография Е. М. Мелетинского — оригинальное, глубокое исследование большого научного масштаба.

А. Астахова

Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Учебное пособие для вузов. Составили Э. В. Померанцева и С. И. Минц. Госучпедгиз, 1959, 578 стр.

Создание хрестоматии по русскому фольклору для вузов, отвечающей как требованиям современной фольклористики, так и требованиям специально педагогическим, — задача сложная. В хрестоматии должны быть сосредоточены избранные тексты всех известных жанров русского народного творчества, причем они должны быть отобраны и расположены так, чтобы дать студентам правильное представление о художественном и идейном богатстве и разнообразии русского фольклора, об его историческом развитии и различии областных «школ», о творческой роли исполнителей, о связи фольклора с бытом и обрядом, об особенностях устного исполнения. Решить все эти задачи с равным успехом в сравнительно небольшой по объему книге невозможно. По существу есть только один действительно верный выход из положения — создание серии антологий по важнейшим жанрам. На такой путь и встала кафедра фольклора Московского университета, подготовившая в последние годы учебные антологии былин (П. Д. Ухов), сказок (Э. В. Померанцева), пословиц, поговорок и загадок (В. П. Аникин). Однако три сборника еще не отменяют необходимости издания хрестоматии. Хрестоматия останется нужной до тех пор, пока не будут изданы подобные же антологии по исторической песне, народной балладе, календарно-обрядовой песне, причетам, лирическим песням, рабочему фольклору, частушке, народной драме и т. д.

Следует отметить, что в последние годы требования к хрестоматии по фольклору для вузов значительно усложнились. Работа большого коллектива фольклористов над академическим четырехтомником, в котором была предпринята первая попытка систематического и развернутого изложения истории русского народного творчества, публикация ряда книг и статей, посвященных историческому изучению фольклора, дискуссии по вопросам традиционного и современного народного творчества заставили преподавателей вузов перестраивать курс русского фольклора. Была составлена программа, явившаяся попыткой изложения курса в историческом аспекте. Ее авторы, проф. В. М. Сидельников и доц. С. И. Василенок, одновременно с программой опубликовали соответствующую ей хрестоматию. К сожалению, и программа, и хрестоматия не оказались достаточно долговечными. Московским университетом была вскоре издана новая программа под редакцией проф. В. И. Чичерова, составителям которой удалось избежать многих недостатков прежней программы. Большинство же преподавателей фольклора в гуманитарных вузах вернулось к снятой было с рекомендации хрестоматии Н. П. Андреева, вышедшей более двадцати лет назад (1-е изд. в 1936 г.). Разумеется, хрестоматия В. М. Сидельникова и С. И. Василенка имела и определенные достоинства. Так, в ней был обновлен и расширен раздел советского фольклора, привлечены некоторые малоизвестные записи и записи 1930—1940-х годов, показано значение фольклора в развитии русской литературы и искусства, подчеркнуты патристические мотивы русского фольклора.

Кратковременность пользования этой хрестоматией объясняется отчасти тем, что многие вопросы, более или менее прояснившиеся впоследствии, тогда только-только еще начинали разрабатываться. Однако были у нее и другие, характерные для того времени пороки. Составители ее, желая расположить тексты в исторической последовательности, как бы забывали, что подавляющее большинство их было записано в XIX—XX вв. Если, изучая их, и можно (не всегда и с большой осторожностью) сделать некоторые заключения о времени их возникновения, тех идеях и поэтических особенностях, которые их первоначально отличали, то это не значит, что их можно считать текстами XIII или XV вв. Особенно спорным было помещение в тот или иной раздел текстов сказок, лирических и обрядовых песен, частушек без каких-либо оснований их определенной датировки. Между тем такое безоговорочное отнесение текстов XIX—XX вв. к более ранним временам затемняло одну из существеннейших специфических особенностей фольклора — совмещение в одном произведении, в одном тексте черт различных эпох. Кроме того, знакомясь с каким-нибудь жанром, частично расположенным в различных разделах, студенты не приобретали должных знаний об этом жанре в целом. В этой хрестоматии было и слишком мало текстов. Это объяснялось тем, что составители поставили перед собой, помимо основной, еще несколько